

Соколова Надежда

Ведьма на страже

16+

Надежда Игоревна Соколова

Ведьма на страже

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29824049

SelfPub; 2019

Аннотация

Молодая ведьмочка узнает, что миру грозит полное уничтожение. Вместе с другом лешим и своим учителем она собирается спасти ситуацию и отправляется на поиски таинственного врага.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Глава 1

Утро добрым не бывает (народная примета)

Магдалена:

– Бей её! Бей ведьму проклятую! Вот мы уже ей устроим! Уже заботится она нас! На костёр её!

Крики разъярённой и уже не управляемой толпы слышались всё ближе и ближе. Как же они мне надоели... Снова одно и то же...

Я с большим трудом оторвалась от очередной главы «Взаимосвязи внешней энергии и внутренней сути всех вещей» профессора Антира Заведонского¹, толстенного древнего трактата о магии, который с интересом читала последние пару-тройку часов, устало вздохнула, с сожалением отложила интересную книгу, привычно взяла в руки веник-самобой и половник-головомёт и, накинув на цветное льняное платье легкую вязаную кофту (все же уже конец лета, к вечеру всегда ощутимо холодает), неохотно вышла из своих «ведьминских» покоев.

Встав на крытом крыльце с резными балясинами, я с раздражением и некой заинтересованностью прислушалась к творящемуся за воротами безобразию и по голосам попыталась определить заводилу.

Ну конечно, как обычно столичными волнениями руко-

¹ Антир Заведонский – архимаг, живший несколько сотен лет назад. В магической среде прославился своими научными трактатами, в которых подробно расписывал взаимодействие внешней и внутренней энергии с окружающим ее вещественным миром.

водит Пашка, вдовый сын. Именно его так легко узнающийся громкий бас чаще всего слышался в толпе. И чего его ма-тушка после похорон мужа сразу аборт не сделала? Не мучалась бы сейчас с таким сыночком-болваном, соседей не стыдилась бы.

И не понимает же, дурень, что ни одна, даже ведьмой при-ворожённая, принцесса больше недели (и это ещё рекорд!!!) с ним жить не станет! Нужен ей какой-то бездельник! Ладно бы, красавцем был, а то мелкий, щуплый, ленивый, ходит вечно в одежде с чужого плеча, явно отданной ему из жалости, лицо широкое, простоватое и рябое, ноги короткие и кривые, руки как снеговые лопаты, мозгов в его непропорционально большой голове отродясь не было.

Единственный плюс – грамотный. Но как раз из-за этого все и беды. Был бы обычным деревенским мужиком, расписывающимся крестиком, выбрал бы себе безо всяких экивоков невесту из сирот, что за любого пойдут, лишь бы с голоду не умереть, и не измывался бы ни над матерью, ни над односельчанами, ни надо мной. Но нет. Научили его грамоте в сельской школе на свою беду.

Он, глупец, сказок детских поначитался, посчитал их прямым руководством к действию и начал фантазировать себе не понять что, каждую неделю разные сюжеты сказочные вспоминать.

То Емелей зовётся, печку домашнюю, словно лошадь, обуздает и пытается ездить заставить, неделями ищет шук

волшебных, говорящих, всю рыбу в соседних прудах распугал, рыбаки уже стонут, говорят, прибить его готовы.

То принцем прекрасным себя вообразит, ходит по деревне надменно, словно и в самом деле отпрыск царёв, слова через губу цедит, на соседей, даже тех, с кем раньше выпивал, не глядит, вышагивает медленно и чинно, нос к небу высоко задрав, а чужая одежда за ним по пыли волочится, будто потрепанная мантия царская. Часто из-за того, что под ноги не смотрит, на подол своего кафтана сам же и наступает, в канавы или лужи падает, грязью мажется, но мозгов ему это, увы, не прибавляет. Встает, отряхивается и снова принца изображать из себя начинает.

А то Иваном-дураком себя посчитает, в очередной раз пытается поймать сказочных Сивку-Бурку или Конька-горбунка. Насчёт прозвища-то спорить никто не берётся. Очень оно ему подходит, прямо в самый раз, как под него придуманное. А от перемены имени суть-то не сильно изменится. Вот стольные крестьяне и не пререкаются с ним, покорно зовут Иваном, когда ему эта блажь в очередной раз в голову стукнет, а сами втихомолку у виска пальцем крутят и лошадок своих низкорослых от греха подальше крепко в стойлах запирают. Мало ли что дурню в голову взбрести может. Ищи потом и его, и лошадей.

А однажды совсем разумом помутился: стал змей и лягушек домой таскать, царевен, видно, хотел таким образом «бесплатно» заполучить. Мать его от страха в те дни с печ-

ки не слезала сутками, боялась вниз даже на минутку спуститься, а он всё эксперименты свои над гадами проводил, пока одна гадюка, которой его ласки надоели (нервная особь попалась), его прямо в рот не ужалила. Он потом, как его от смерти спасли и яд из организма убрали, несколько дней разговаривать не мог. Соседи его поговаривали, блаженное это время было.

Достал меня этот Пашка своими постоянными глупостями и невыполнимыми желаниями, аж сил моих больше нет! Ходит ко мне чуть не каждый день, прописался прям, работать мешает, под дверью моих покоев разве что не ночует, частенько с самого утра уже «вахту несет», и всё слёзно молит при каждой встрече:

– Матушка-ведьма, ну приворожи мне принцессу, на любую согласен, даже на самую страшную, тебе же это ничего не стоит? А я, как полцарства в наследство от царя получу, сразу тебя отблагодарю!

А едва отказ очередной услышит, беситься начинает и крестьян на бой со мной, злобной ведьмой, вызывает. Большинство, конечно, его не слушает, у них времени свободного мало, работа на земле всегда найдется, но человек 5-10 местных бездельников и пьянчужек, своих обычных собутыльников, он всегда найдет уговорит. Вот и получается, что я – постоянная причина бунтов в столице.

Сперва, сразу после приезда в страну, я отнеслась и к Пашкиной просьбе, и к последующему за этим бунту черес-

чур серьёзно, стала думать, как дурака успокоить. Но Василиса с Елисеем только рассмеялись, когда узнали о данной истории, и сказали, что сами от этого идиота устали. А как быть?

– Понимаешь, Лена, тут сделать, увы, ничего нельзя. Не можем мы его никуда выгнать, – объяснил мне тогда Елисей, правитель Роси и мой работодатель. – В своём городе люди к нему привыкли уже, на чудачества его постоянные особого внимания никто и не обращает, а если выставить мужика за ворота, предоставив самому себе, так в первой корчме вытворит какую-нибудь глупость, за что и прибить насмерть могут. Мучайся потом всю оставшуюся жизнь, что на тебе душа невинно загубленная висит. Тем более, он, хоть и дурак, но относительно безобидный. Вот и приходится терпеть его выходки.

Крики слышались уже за воротами дворца. Обычно в таких случаях стрельцы бегут докладывать царице или царю (кто меньше занят), и Василиса с Елисеем уже одним своим появлением, как небом данные правители, заставляют буянов если не протрезветь, то хотя бы одуматься и разойтись по домам. Но сейчас, как назло, оба они с утра ускакали на охоту, до позднего вечера точно не появятся, а значит, отдуваться в этот раз и успокаивать этих оборотов все же придётся мне. Ну вот, точно, сотник, детина здоровенный, косая сажень в плечах, идёт ко мне:

– Матушка-ведьма, что делать-то?

Явно растерян. Не привык один, без царской четы, с бунтарями разбираться.

Я привычным жестом откинула со лба длинные волосы и пожалала плечами:

– Открывайте ворота, да только будьте со стрельцами наготове. Если меня не послушают, повяжете их и до приезда царя с царицей оставите в курятнике. Там куры с петухом за несколько часов быстро им мозги прочистят.

Сотник, высокий плечистый силач, способный на спор коня на руки поднять и пронести версту как минимум, поклонился и, пряча в густой окладистой бороде понимающую улыбку, ушёл к своим стрельцам отдавать приказ. Через несколько секунд тяжелые дубовые ворота распахнулись, позволяя увидеть группу бунтовщиков.

Как обычно, толпа, приблизившись к широко открытым воротам, растеряла свой боевой пыл и остановилась, ожидая увидеть нахмуренные брови грозного царя-батюшки. Но на этот раз их встречал другой, более опасный противник, – я.

– Ну и кто тут такой умный и храбрый?!? – крикнула я раздраженно. Дел снова было невпроворот, отвлекаться на бунтарей не хотелось совершенно. – Кого первого венчиком по головушке его буйной причесать?!? В очередь становись!!!

Магию я, вопреки всем теориям и обучению в академии, всегда считала чем-то вроде своего личного универсального конструктора, из которого при большом желании и должном

умении можно всегда собрать всё, что душе угодно.

Маститые волшебники недовольно хмурились и хватались за головы, когда на их практических занятиях у меня в очередной раз получалась не обычная вещь, а что-то непонятное: вместо обычной сковороды выходила сковорода-бич врунов (любой, кто хоть раз в течение суток кому-нибудь соврал, приклеивался к моему изобретению на несколько дней, причем языком; после нескольких экспериментов с моей сковородочкой учащиеся в моей группе студенты стали подозрительно честными), а вместо простых часов – часы-предсказайки (очень хорошо предсказывали, когда именно тебя вызовут к доске отвечать, жаль, преподаватели забрали, видимо, хотели точно знать, когда их ректор на ковер вызовет).

Работать со мной могли далеко не все, а только самые психически устойчивые маги, уж слишком богатой и изощренной была у меня фантазия. А уж когда я однажды на глазах у одного из преподавателей по прикладной магии в легкую усовершенствовала сапоги-скороходы в галоши-внедорожники, сделав упор не на скорость, а на проходимость обуви, да ещё и испробовала их на самом маге, всем, кто соглашался индивидуально со мной заниматься, стали платить баснословные деньги, да ещё и молоко за вредность профессии выдавали (сам преподаватель, кстати, потом долго заикался, услышав мои имя, и десятой стороной обходил канавы, лужи и любые грязные места)...

В царстве Василисы и Елисея к моим чудачествам уже успели привыкнуть, но каждую с виду невинную вещь, если получали ее от меня, долго и с опаской вертели в руках, не всегда решаясь применить по назначению. А уж после того как я начала избавляться от поднадоевших мне клиентов усовершенствованным веником, простые люди стали обходить меня за версту, а слуги вообще боялись приближаться без нужды к моим покоям.

В данную минуту я держала в руках тот самый веник, веник-самобой. «Славился» он тем, что по моему приказу налетал на неугодных мне и начинал яростно крутиться на их голове, больше издевательски щекоча, чем доставляя боль. Но если после его действий у бедняг оставалась хоть пара волосин, их можно было считать невероятными везунчиками. Большинство же обычно «щеголяло» гладкой лысиной.

В толпе, видимо, было несколько человек, уже испытавших на себе всю «прелесть» веника, так как запал их при виде моего «оружия» существенно поулег. Они нерешительно топтались на месте, тихо переговаривались друг с другом и вопросительно поглядывали на своего заводилу. Но Пашка, упертый дурень, сдаваться не хотел. Подскочив, уставившись на меня снизу вверх и дыша перегаром, от которого сразу взбесился бы любой, даже самый покладистый Сивка-Бурка, этот малорослый любитель сказок угрожающе начал:

– Приворожи мне принцессу, ведьма, или...

Что «или», мне узнать так и не удалось. А всё потому, что этот горе-бунтовщик не учёл одной маленькой, но существенной детали: не любят мои волшебные вещи, когда их хозяйке угрожают. А Пашкин перегар они, скорее всего, приняли за газовую атаку. Вот и бросились в бой, не дожидаясь команды, причём не только веник-самобой, но и половник-головомёт. И началось самое интересное...

Пока веник активно обрабатывал не ожидавшего такой подлянки Пашку и стоявших рядом с ним его незадачливых соратников и пытался, несмотря на мольбы и завывания, исправить различные недостатки в их и так не густой шевелюре, половник летал рядом и норовил каждого неосторожно попавшего в радиус его действия «погладить» по голове (или по той части тела, по какой сумеет достать), причём «везунчику» не хотелось вставать уже после первого раза, а половник сразу заходил на второй, а затем и на третий круг. Вот и пытались все эти бедолаги укрыться от моего «убойного» оружия, кто ползком, кто – на четвереньках, прикрыв голову руками, а кто – и прячась за разные предметы во дворе, но огромная деревянная кадка с зацветшей водой, за которую заполз один из бунтарей, как на грех, опрокинулась на него вместе со всем своим содержимым и рассыпалась на доски от одного прикосновения со лбом неудачливого детины. Детине-то ничего, промок только, да запах гнилой воды от него идти стал, а вот кадку уже не починить. А это уже – причинение вреда царскому имуществу, между прочим.

Второй «герой» попытался спрятаться от «всевидящего» половника за резными перилами дворца. Не помогло. Земля там уже мокрая была от воды из кадки, бедный мужик поскользнулся, упал, да так нехорошо, что половник его по пятой точке несколько раз со всей силы и приложил. Бедняга теперь долго сидеть не сможет.

Третий «умник» скрючился под ступенями, закрыв голову руками, мечтая стать невидимым, но половник настиг его и там, чувствительно ударив по ногам. Несчастный вскрикнул, выскочил из своего укрытия и дал стрекоча, желая поскорей покинуть «поле битвы».

В общем, весело было всем: и мне, и попавшимся мне под руку бунтарям, уже жалевшим о своем бездумном поступке, и особенно стражникам, наблюдавшим за «эпической битвой» с безопасного расстояния. Их громкий гогот перепугал всю птицу в округе.

Нахохотавшись всласть, сотник наконец подал условный знак, и стрельцы тут же начали вязать тех страдальцев, кто ещё оставался на территории дворца, и уносить их в курятник. И правильно. Пусть «бунтовщики» остынут маленько до приезда царской семьи, может, в себя придут. Я же вернулась к себе в покои и вновь принялась читать интересовавший меня трактат.

Глава 2

Разговор по душам (или разбор полётов?)

– Что ж ты делаешь-то, Лена, подданных моих калечишь, на них же теперь без жалости и взглянуть нельзя! – Выговаривал мне вечером в шутку Елисей, видный широкоплечий мужчина среднего роста, с синими глазами и немного длинным носом, тридцати лет от роду, вытирая бегущие по лицу слёзы от смеха. Его супруга Василиса, красивая миниатюрная шатенка двадцати двух лет, не говорила ничего – она уже вторую минуту хохотала не переставая, и я уже начала серьёзно подумывать, сколько воды в неё (а может, и на неё) надо влить, чтобы истерика наконец-то закончилась.

– А что я могу, – тщетно пыталась оправдаться я, надеясь при этом сама не расхохотаться при одном воспоминании об устроенном сегодня «представлении». – Ты же знаешь Пашку, его без веника в себя никак не приведёшь.

– А половник-то, половник зачем применила? – едва выговорила задыхающаяся от смеха жена царя-батюшки, а по совместительству и моя подруга, удобно расположившись на софе, покрытой красным атласным покрывалом.

– Вот тут я уж точно не при чём, – искренне возмутилась я. – Это было его личное желание – так сказать, помочь хозяйке, вступить таким образом за её честь.

– Ага, помяв при этом честь других. – Елисей готов был кататься по полу от смеха. Впрочем, и катался бы давно, если бы не боялся испачкать свою шикарную шелковую мантию. – Видел я сегодня парочку пострадавших от твоего половни-

ка. Вот уж кому не позавидуешь. Синяки по всему телу, и, думаю, не скоро эти отметины исчезнут. Пашкины дружки теперь от одного твоего имени шарахаться будут, как чёрт от ладана. Распугиваешь ты моих людей, Лена.

– И поделом. Нечего всяких забулдыг слушать да под их дудку плясать, бунты в столице устраивать. Ты лучше расскажи, как вы сегодня поохотились. Заодно и Василиса в себя придёт.

– Да в общем-то нормально: подышали воздухом лесным, настреляли птицы разной, потравили зверя лютого, похвастались друг перед другом силушкой богатырской.

– Елисей, давай без вашего народного фольклора, – взмолилась я, взяв с подноса на изящном столике возле софы крупное яблоко с наливным красным бочком. Яблоки я не просто любила, я их обожала и могла есть всегда и в любом количестве, причем даже совершенно незрелые. – А то ты сейчас затмишь своими подвигами всех ваших народных богатырей вместе взятых!

– Ай-яй-яй, Магдалена, не любишь ты народные сказки слушать, – весело хмыкнул царь, сидя в инкрустированном драгоценными камнями резном кресле и неспешно попивая мёд из золотого кубка. Кубок был из царской сокровищницы. Поговаривали даже, что эта посуда обладает какими-то редкими магическими свойствами, защищающими королевскую семью, но какими именно, я точно не знала, а сам Елисей никогда не рассказывал.

– А зачем мне их слушать? Я сама каждый день как в сказке здесь провожу: то домовый из-за угла внезапно выпрыгнет и сильно удивляется, почему я не визжу от страха при виде него, словно деревенская дурочка, то чёрный кот устанет дорогу перебегать и приходит по ночам разборки чинить и сметаны на блюде за вредность требовать, то кикимора начнет красоваться перед моим же зеркалом и искренне поражается тому, что я ее видеть могу. Не понимаю я ваших фольклорных элементов. Ведь знают же, что я – маг, ведьма по-здешнему, их сущность мне видна, нет, все равно постоянно разные проверки устраивают!

– Так вот кто Кузю довёл до нервного срыва, – прыснула только-только успокоившаяся Василиса, приподнимая подол яркого сарафана и меняя позу на софе. – То-то я понять не могла, почему он смурный такой постоянно по дворцу ходит.

– Надо меньше мне на глаза показываться, и нервы в порядке будут, – отмахнулась я и встала с софы, на которой сидела вместе с подругой. Подойдя к окну, я повернулась к прозрачному стеклу спиной, чтобы удобней было видеть царскую чету, и оперлась на крашенный подоконник, дожевывая своё яблоко. – Рассказывайте давайте, как вы съездили, что интересного видели.

– Да я ж говорю, в общем и целом всё нормально. И поохотились неплохо, и отдохнули на природе, и дичи разной с собой привезли. Вот только...

– Что только? – Сразу насторожилась я. Не люблю такие

недомолвки. Жди от них всегда проблем разных. И хорошо, если проблемы те решить можно.

Как оказалось впоследствии, я была права.

– Да понимаешь, Лена, – Елисей нахмурился, поставил кубок на круглый сервировочный столик на изогнутых ножках и устало потер изящными, не знавшими тяжелого труда руками глаза. – Непонятное что-то стало у нас в лесу твориться. Местные с некоторых пор заходить в него поодиночке боятся. Если за грибами-ягодами ходят, то только толпой, друг от друга стараются не отставать. Так, говорят, надежней.

– Эка невидаль. Они и раньше не очень-то часто там появлялись, лешего и водяного не жаловали, разве что на русалок парни весной и летом смотреть ходят. А девчата, так те вообще стараются дальше кромки леса не соваться, даже когда ягоды с грибами собирают. Пугливый народ какой-то у вас, зашуганный. – Хвостик от одного яблока улегся на поднос, а я уже потянулась за следующим.

– Нет, это не то. Это нечисть своя, родная, если так можно сказать, встреча с ней, может, и неприятна, но опасности практически никакой не представляет. Мы знаем многие способы общения с ними и защиты от их чар.

(«Хороши способы защиты: плевать прямо на домового или удивлять лешего своей тупостью, разгуливая в одежде, вывернутой наизнанку, или бросая в него корой липового дерева, не жалея растение» – мысленно фыркнула я).

А Елисей между тем продолжал рассказ, вновь взяв кубок со столика и изредка прихлебывая мёд:

– Лесничие, сопровождавшие нас сегодня на охоте, рассказывали странные истории про постоянно исчезающих в лесу людей (причём только молодых физически здоровых парней), про удивительные находки, сделанные окрестными селянами, про завораживающие душу чужеземные песни, после которых забываешь всё на свете и мечтаешь отправиться вслед за песельниками, чтобы слушать их снова и снова, про голоса неведомых животных и птиц, которых никогда не водилось в наших краях. Все рассказы окрашены такими мельчайшими подробностями, что не остаётся сомнений, что это не выдумка, не байка, а дело рук какой-то не нашей нечисти. А так как ты у нас государственный маг и с разной нечистью и методами общения с ней знакома не понаслышке, тебе и карты в руки.

– Мда... Ну спасибо, обрадовал. Ладно, я вечером подумаю над всем тем, что ты рассказал, а с завтрашнего утра начну разбираться во всём, первым делом в лес ваш съезжу, с лешим местным пообщаюсь. Может, он что-нибудь знает или новое поведает. А пока мне нужно следующее: лошадь помирней, бумага с твоей подписью, в которой написано, что всё, что я делаю, идёт на благо твоему народу, и котомка с едой. Еду для себя я соберу завтра поутру сама. Надеюсь, твои повара не будут мне в этом препятствовать.

– Я в этом более чем уверен. После сегодняшнего пред-

ставления они о тебе даже подумать боятся, – широко улыбнулся правитель Роси и, вызвав дворцового писаря, стал диктовать ему необходимый документ.

Глава 3

Покой нам только снится (проверено на собственной практике)

Расхаживая по своим покоям, я снова и снова пыталась сосредоточиться и мыслить логически, как учили меня в академии магии. Но проблема была в том, что логика всегда боялась меня как чумы и ни за что не хотела работать со мной в паре. Поэтому на всех практических занятиях я решала поставленные передо мной вопросы не раздумывая, а сразу применяя то или иное заклятие. Так сказать, училась на собственных ошибках. Вот только окружающим это не очень нравилось, так как все шишки после моих опытов сыпались на них, и зачастую после урока я не получала и царапины, а вот пострадавших от моего колдовства приходилось на носилках нести в лазарет, а я в очередной раз пополняла свой список личных врагов. Тем не менее это не помешало мне закончить обучение с отличием и по распределению попасть в столицу одного из сильнейших государств, Фрезии, в качестве придворного мага.

Мой учитель, а по совместительству и ректор магической академии, архимаг Максимилиан Цирин, подписывавший

необходимые документы о моём распределении несколько раз бегал к карте проверять расстояние от академии до главного города империи, Апариса, известного во всем мире своими статуями и фонтанами. Не потому что я не умела перемещаться на расстоянии (как раз наоборот, хотя это такая мука!), а потому что хотел успеть эвакуировать всех учеников до того, как здание попадёт в осаду разъярённых жителей того государства. А что так и будет, он, зная мои способности, не сомневался ни минуты.

Но в этот раз я его приятно удивила.

При дворе я, как и рассчитывал ректор, неплохо знавший меня, проработала недолго, но всё же успела заслужить себе славу взбалмошной, но сильной колдуньи, особенно после того, как вместо средства для приворота вручила трем своим просительницам бутылочки с жидкостью для быстрого роста волос. Забавно было смотреть, как у несчастных жертв этих «охотниц» на голове буквально за несколько минут вырастали гривы (даже у тех, кто всю жизнь бы лысым), а ухоженные бородки и усы превращались в непролазные волосяные джунгли. А уж как весело стало, когда кто-то из слуг проговорился своим господам, почему мужчины страдают подобной растительностью! Тех самых просительниц вычислили сами пострадавшие. Что с ними потом сделали, мне узнать не удалось, но ко двору не допускали, а остальные дамы вдруг резко перестали мечтать о неожиданной и сильной любви, созданной на основе приворота.

Но это, как говорится, были только цветочки. По-настоящему я развлеклась в другой раз.

Однажды дождливым утром, сидя без дела у себя в комнате, я захотела развеять своё плохое настроение и, прочитав одно из своих заклинаний, вырастила рога на голове у всех мужей, которым изменяли их половинки, продемонстрировав на практике известное выражение. Зато как было весело, когда рогоносцы, практически вся столица, осознав, откуда у них на головах подобные «украшения», бегали за женами, задевая при этом каждый раз двери, окна, а иногда и потолок (рога были тем выше и шире, чем чаще были измены), те же, в свою очередь, довольно резво улепетывали от них, уверяя своих супругов, что все произошедшее – всего лишь ошибка, досадное недоразумение, происки одной завистливой магини (было бы чему завидовать!).

Но такое необычное природное «декорирование» просуществовало, к моему большому огорчению, недолго: императору с императрицей надоело успокаивать бьющихся в истерике неверных жён и прятаться их от разъяренных мужей, и меня попросили вернуть всем обманутым мужьям их нормальный облик.

Практически сразу после этого происшествия к императрице Каролине в гости приехала её родная сестра Василиса из далёкой и загадочной Роси, мы подружились («Почувствовали друг в друге родственные души и спелись», – заявил супруге император Артон), и, уезжая, Василиса попро-

сила сестру отпустить меня на Рось: ей тогда срочно нужно было найти придворного мага, я же, по мнению царицы, подходила на эту роль практически идеально. Правительница Фрезии с большой радостью согласилась, да и я была рада изменению обстановки и возможности увидеть столицу Роси, волшебный Китеж-град, о котором так много рассказывала моя новая подруга, полюбоваться на него изнутри, и не как турист, а как полноправный житель.

И вот придворная магиня государства Фрезия Магдалена ант² Антанайская, дальняя родственница фрезийских императоров, довольно быстро превратилась на Роси в ведьму Лену (никем особо не контролируемую и страшно опасную, как считали обыватели). И сейчас эта Лена расхаживала по своим покоям, без усталости протирая дорожки в новом ирдийском ковре, и уже битый час пыталась понять, с чем же ей придётся столкнуться и чем возможная встреча может грозить лично ей и государству, в котором она вот уже несколько месяцев живет и работает. Информации явно не хватало. Вполне возможно, что ничего серьезного не случилось. Но интуиция вопила об обратном.

² Ант – приставка перед фамилиями высшего дворянства в Империях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.